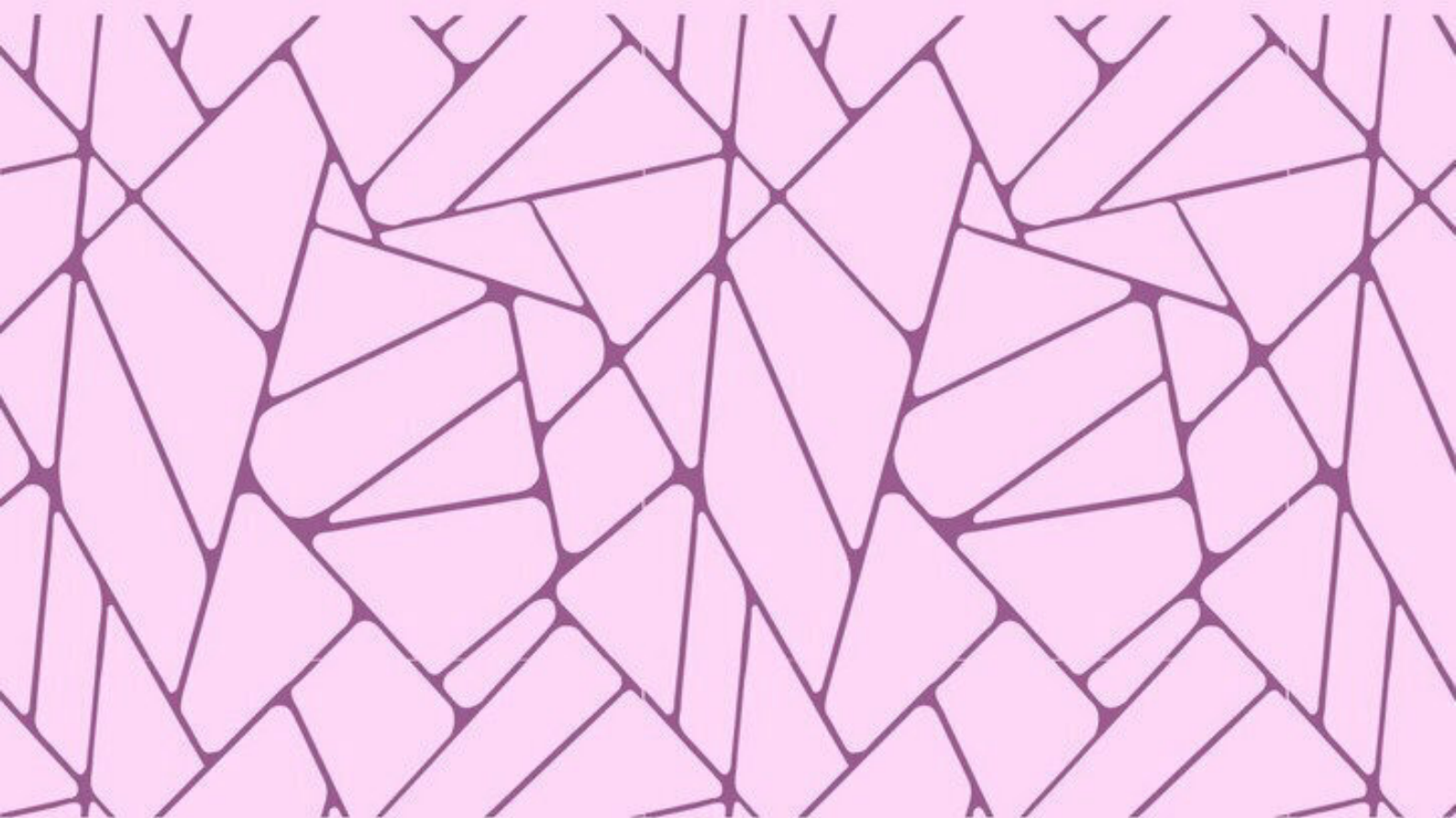

18+

Елена Мичурина

**ПЯТЬДЕСЯТ
ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ
ПРОДОЛЖЕНИЕ**

Трилогия. Часть 2

Елена Мичурина

**Пятьдесят оттенков любви.
Продолжение. Трилогия. Часть 2**

«Издательские решения»

Мичурина Е.

Пятьдесят оттенков любви. Продолжение. Трилогия. Часть 2 /
Е. Мичурина — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**Продолжение трилогии «50 оттенков любви». Игорь
женится на Любе, Глеб навсегда теряет Элю, а Роман пытается вернуть Дашу
любой ценой. Испытаниям подвергается и дружба героев. О том, как герои
справляются с препятствиями на пути любви и дружбы, эта часть трилогии.
Книга будет интересна для любителей остросюжетных любовных историй
с нотками эротики. Книга содержит нецензурную брань.

© Мичурина Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пятьдесят оттенков любви. Продолжение Трилогия. Часть 2

Елена Мичурина

© Елена Мичурина, 2026

ISBN 978-5-0069-9120-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6885-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Огромная ванна, размером с маленький бассейн, как в саунах, посещаемых когда-то Элей с клиентами, бурлила, выпуская на свою поверхность пузыри.

Марьянов сидел в ней, прислонившись к стенке, вожаденно глядя на раздевающуюся перед ним девушку.

Элю знобило, хоть в помещении было тепло, почти жарко и влажно, над ванной поднимался легкий парок, плакали кафельные стены, и потел натяжной потолок.

Она сняла с себя все, кроме узких трусиков-стрингов, черных, украшенных стразами, - дизайнерская вещь, подарок Глеба, так и полезла в воду, перешагнув край ванны. Вода была почти горячей, и Эля медленно села напротив Марьянова, привыкая к ее температуре.

Тело Марьянова было не из самых противных тел, к которым приходилось прикасаться Эле. Немного рыхлое, мягкое, слегка волосатое на груди. И начиналось все тривиально, банально до скуки, Марьянов мокро и противно целовал ее в губы, испытывал на упругость высокие полушария груди, тянул с нее трусы.

Дыхание его учащалось, лицо краснело, глаза закатывались. Он развернул Элю спиной к своему лицу. Долго возился, входя в нее, тело Эли не хотело его впускать, сопротивляясь проникновению, и она морщилась от боли. Уговаривала себя, успокаивая тем, что скоро все закончится. Двигаясь на нем, она фальшиво стонала, он что-то невнятно бормотал на это. Развязка казалась Эле близкой, но он вдруг остановился, и не успела Эля осознать, в чем дело, как руки его вцепились мертвой хваткой в белокурые волосы и лицо ее на мгновение приблизилось к воде, бурлящей как кипяток. И детское травмирующее воспоминание, преследующее ее долгое время во сне, когда отец точно также держал ее над кастрюлей с клокочущим в ней топленным салным жиром яркой и отчетливой вспышкой всплыло в ней. Она словно переместилась во времени, в то далекое и страшное, когда также совсем недалеко от ее лица бурлил и пыхтел расплавленный смалец, выдыхая ей в лицо жаром. Эля закричала от ужаса, но крик ее утонул в воде, вырвав на поверхность порцию пузырей, пальцы рук сжались вокруг ее шеи, словно выдавливая из нее остатки воздуха, выдавливая из нее саму жизнь, короткую и никчемную.

Раньше Эля всегда просыпалась, недосмотрев того жуткого сна. Теперь, после того как она перестала сопротивляться этим жестким и властным рукам, она перешла за грань и увидела его продолжение. Он был прекрасен. Белый снег падал на черную землю и укрывал саваном все сущее. Угасли все звуки, воцарилась музыка тишины, ожидающей слова, начало слилось с концом в одной точке. Из искрящихся снежинок возникали белоснежные фигуры, легкие, прозрачные. Они протягивали Эле руки и показывали жестах куда-то вверх. Эля поняла, что жизни на земле больше нет, ни ее, ни чьей-то еще, и остался лишь один путь — путь на небо, туда, откуда продолжала сыпать нетающая снежная крупа. Кто-то или что-то звало ее, ждало ее и любило. Это она отчетливо почувствовала, и, оттолкнувшись от земли, удивившись необычной легкости, полетела, окружаемая белыми фигурками. Когда она оглянулась вниз, то ничего уже за снежной пеленой не смогла увидеть. Снег был отовсюду, но там, откуда он шел, усиливаясь, светило все ярче и ярче, стало невыносимо, и Эля закрыла глаза.

В бурлящей ванне осталась лишь одно ее тело, красивое, молодое, оно словно кусок намочшей ваты, болталось между поверхностью и дном.

И глядя на это болтающееся и безжизненное, Марьянов сказал, досадливо скривившись, обращаясь к слегка оторопевшему от зрелища крепкому парню в спортивном костюме:

— Прибери

Тот, вздохнув, кивнул в знак того, что указание босса будет исполнено.

Глава 2

Свадьбу Игоря и Любы решено было отмечать в Москве.

Игорь в последние дни перед свадьбой был крайне раздражителен. Единственная причина, по которой он решил затеять данное мероприятие — это желание угодить Любе. Он считал, что любая девушка мечтает надеть белое свадебное платье, искупаться в лучах славы, услышать клятву верности, и дать свою в присутствии родных и близких, расчувствоваться от слез поздравителей и расплакаться самой в ответ. Да есть ли вообще, что-то торжественнее в жизни женщины, чем выход ее замуж? И лишить Любу этого торжества он не имел права. Что касается самого Игоря, то предстоящее мероприятие виделось ему чем-то типа повинности, которую необходимо было отбыть. Он бы предпочел зарегистрировать брак и улететь в свадебное путешествие, и на расстоянии в тысячи километров по телефону благодарить поздравляющих его родственников и друзей.

Со стороны Любы он чувствовал такое же раздражение, но относил его на тот счет, что ей было неловко вводить его в те, баснословные на ее взгляд, траты, в которые он легко вводился, желая для Любы самого лучшего, и не понимая почему он должен отказывать себе в этом удовольствии. Ему пришлось взять в сообщники Светлану, которая в отличие от Любы разделяла его взгляды на неуместность экономии в вопросах свадебной церемонии. Светлана, взяв инициативу в свои руки, доказывала Игорю, что Люба будет особенно хороша в кружевном, с открытой спиной платье, указывая на самый дорогой в каталоге вариант. А в качестве украшения подойдет бриллиантовая диадема в волосы, с прикрепленной фатой, красиво прикрывающей обнаженные плечи и спину. И еще нужны высокие перчатки, чтобы подчеркнуть образ.

— Ах, делайте, что хотите, — говорила Люба, — заглянув в каталог, и увидев снизу стоимость платья, и слезы стояли в ее глазах. Игорь принимал это за согласие, и тут же звонил в салон, узнавая к какому сроку могут доставить данное платье и украшения к нему из модного французского дома, представительство которого располагалось в Москве.

Выбор ЗАГСА, гостиницы, в которой расположится Люба по приезду в Москву, ресторана, где пройдет банкет, ведущего с программой, видеографа и стилиста Игорь решил взять на себя, на правах местного московского жителя. Он небезосновательно опасался, что обсуждение всех этих моментов вызовет у Любы новые приступы отчаяния, и ненужные, разобщающие их споры. В этих вопросах он полагался на вездесущего Романа.

От Любы потребовался лишь список гостей с ее стороны. Игорь, заглянув в список, с удивлением обнаружил, что приглашенных совсем немного. Люба была единственным ребенком в семье, и самым близким ее родственником оказался всего один человек — ее мама. Отец ее умер два года назад, родных сестер и братьев не было.

По своей натуре Игорь был интровертом, он трудно сходилась с людьми, предпочитая по возможности вовсе не сходитьсь. Его коммерческая деятельность, связанная как раз таки с умением коммуницировать, была приобретенной, выработанной в тяжелой борьбе со своей природой привычкой. В личной жизни круг общения у него был очень узким: двоюродная сестра Наташа, да Роман с Глебом, в основном, составлял его. И тот факт, что сходитьсь ему особо не с кем, так как маму Любы, Веру Ивановну он уже знал, и сошелся с ней в свое время достаточно легко, необыкновенно порадовал его. Его порадовало, что никто не будет вторгаться в их с Любой частную жизнь, нанося Игорю визиты, отвлекая его время и принуждая изображать деланную радость, никого не надо будет опекать и продвигать по жизни, из неудобств отказа. И он даже, грешным делом, подумал, что вся Любина любовь, которую она чувствовала к своему отцу, а Люба, судя по ее немногочисленным рассказам очень любила отца, теперь найдет для себя новое направление и будет доставаться ему.

Помимо Любиной мамы из родственников планировались тети, дяди, братья и сестры двоюродные и троюродные, одноклассница Светлана, она же свидетельница, всего пятнадцать человек. Такое же количество гостей приглашал Игорь. Свадьбу по количеству гостей можно было бы назвать вполне себе скромной, как того хотела Люба, хотя Люба под этим словом подразумевала несколько иное.

Накануне свадьбы Игорь встречал в аэропорту прилетевших из Америки своих родителей и брата с женой.

Разместить он их решил у своего дяди, родного брата отца, заручившись заблаговременно его согласием.

У Игоря был большой дом и городская квартира, где он мог бы разместить своих самых близких по крови родственников. Но дело обстояло так, что самые близкие по крови родственники оказались самыми дальними ему по духу людьми, и мысль провести с ними наедине некоторое, даже весьма недолгое, в пару дней время, изображая лживую радость встречи, претила Игорю.

Отец Игоря — Валентин Анатольевич Лагутин был крупным ученым-физиком, академиком. Чуть более пятнадцати лет назад ему поступило предложение выехать в штаты, и он им воспользовался. Оставив девятилетнего Игоря на попечении своего родного брата, дяди Игоря — Дмитрия Анатольевича, он с супругой поехал обустраиваться на новом месте, с тем, чтобы впоследствии, забрать в штаты сына. Обустройство затянулось, первое предложенное место Валентину Анатольевичу не пришлось по вкусу, однако возвращаться в Россию он не пожелал, они с супругой меняли города, жили подчас в весьма скромных, стесненных условиях. Но, в конце концов, фортуна улыбнулась им, и родители Игоря осели в Сиэтле, где Валентин Анатольевич получил приличное место, снял шикарный двухэтажный особняк. На время этих скитаний, продлившихся около пяти лет, забирать в условия неопределенности мальчика Валентину Анатольевичу казалось неприемлемым. Затем случилась беременность его супруги, матери Игоря — Светланы Николаевны, и появилось новое препятствие — ребенок, брат Игоря — Константин. Родители решили повременить с переездом к ним Игоря еще как минимум на год. Затем было здраво рассужено, что Игорю хорошо бы окончить школу, и уж тогда. И тогда семья Игоря была готова забрать его, о чем Игорю и было сообщено за ужином Дмитрием Анатольевичем.

Однако неожиданно для всех выросший и повзрослевший за это время подросток на это заявил, что ни в какую Америку он не поедет, а если он чужой и в семье дяди, то уйдет, куда глаза глядят, вызвав этим взрыв слез негодования у тети — Ольги Сергеевны, любившей его беззаветной материнской любовью.

Эта женщина, имеющая сердце доброе и мягкое, всей душой полюбила Игоря, чувствуя боль мальчика и безмерно сочувствуя ему. Это сочувствие доходило до того, что в любых конфликтных ситуациях, происходящих между Игорем и ее родными детьми — сыном Димой и дочерью Наташей, она принимала сторону Игоря, за что брат и сестра недолюбливали Игоря, маясь от несправедливости матери и ревнуя к ней. Особенно ревновала его к матери Наташа, тринадцатилетняя девочка подросток. Изначально известие о том, что Игорь поживет с ними некоторое время, пока дядя Валя и тетя Света обустроятся где-то в далекой Америке, за океаном, она встретила в штыки. Брат ее Димка, по младости лет, мало чего понимал в том, хорошо или нет это соседство. Будучи мальчиком по духу покладистым и ласковым, в свою мать, он вполне спокойно отнесся к тому, что в его комнате будет жить теперь Игорь. С Игорем их разделял всего лишь год в возрасте, разность характеров дополняло их союз, Дима отмечал покровительство отца по отношению к Игорю, и какую-то страстную, горячую любовь со стороны своей матери, поэтому изначально к Игорю он отнесся дружелюбно. В отличие от сестры, которая не понимала, почему ее мать дарит такую любовь и ласку не родным своим детям, а какому-то племяннику. И почему он должен жить у них, вообще, тогда как детям над-

лежит жить со своими родителями. Время шло, и чем дольше Игорь жил у них, тем большая любовь к нему разгоралась в сердце ее матери, та любовь, которая по праву должна была принадлежать ей — Наташе, уходила на сторону. Дима болтался, как бы, между небом и землей, и его отношение к Игорю колебалось подобно маятнику, то уподобляясь любви его матери, то испытывая жгучую ненависть Наташи, примыкая по случаю к ней.

Нет, нельзя сказать, что Игорь был обделен семейным теплом и лаской, напротив, он имел их возможно, куда в большей степени, нежели был бы воспитан своими родителями. Все лучшее, что могли дать ему дядя и тетя, давалось ему. Игорь был значительно талантливее их родных детей, хотя при ближайшем рассмотрении, можно было точно определить источник его талантов — его работоспособность, усидчивость и упрямство. Игорь никому бы не признался, что движущей силой этого упрямства, его мотивацией на достижение целей являлось затаенное желание доказать родителям их неправоту в том, что они бросили его. Ему хотелось, чтобы когда-нибудь его отец, этот великий академик узнал о его, Игоря, успехах и понял свою ошибку.

Нечастые приезды родителей в Россию, а также его две поездки в Америку по их приглашению были мучительны для Игоря. Потому что оканчивались они одним и тем же, самым неприятным для Игоря — очередным обещанием забрать его. Вначале он верил этим обещаниям, и долгое время после расставания растравливал свою душу напрасным ожиданием. И даже становившаяся в эти периоды особенно ласковой к нему Ольга Сергеевна раздражала мальчика. Он становился замкнутым и угрюмым, погруженным в себя, в свои мрачные мысли. Уходил в выдуманные миры, читая книги. Жюль Верн, Купер, Дефо, Стивенсон становились его спасателями. И с удесятеренной силой он набрасывался на новые знания, поглощая их губкой, чтобы в очередной раз доказать отцу как тот неправ.

Будучи ребенком, он не понимал причину неприязненного отношения к нему Наташи, считая ее просто испорченной, дрянной девчонкой. Однако достигнув того возраста, в котором пребывала его сестра на момент их соединения, а именно тринадцати лет, он вдруг понял эту самую причину. В сердце Наташи шла борьба за любовь матери, точно такая, как в сердце Игоря за любовь его далекого отца. И понимание этого острой жалостью к ней пронзило его сердце, и на этой жалости расцвела его любовь к сестре. Он больше не задевал ее, и уклонялся от ее попыток уязвления, когда Ольга Сергеевна объявляла те или иные развлекательные походы для них, он говорил теперь «Если пойдет Наташа, пойду и я», «Если Наташа хочет, то и я хочу». И не ее родной брат, а он стал ее союзником, когда Наташа вступила в свой первый любовный роман с одноклассником, а он покрывал ее во всем. Ольга Сергеевна делала вид, что верит ему, в тайне радуясь, что между детьми воцарился мир.

Присылаемые из-за границы деньги отца шли в дело, Игорь кончил лицей с углубленным изучением математики и информатики, выигрывал олимпиады, поступил в Высшую школу экономики на факультет «информационные системы бизнес обеспечения», и закончил ее с красным дипломом. Еще учась в вузе, выиграл гранд на стажировку в Германию, где прожил год.

Тот же отец ссудил его деньгами, когда, после окончания вуза, Игорь твердо решил, что будет развивать свой бизнес, придумывать и реализовывать свои проекты.

Но несмотря на финансовые вливания в его будущность, без которых, возможно, эта будущность бы не состоялась, Игорь не чувствовал к родителям теплых сыновних чувств. А за эту финансовую помощь вместо благодарности ощущал особую неприязнь, словно его отец пытался купить его любовь, а он со своей стороны занимался обманом, принимал деньги, не давая взамен отцу ожидаемое.

Валентин Анатольевич, мужчина слегка за пятьдесят, с чуть оттопыренными ушами, лысиной, окаймленной остатками, когда-то бывшей пышной, шевелюры, радостно обнял и расцеловал сына.

— А у нас для тебя сюрприз! — заявил он, блестя глазами

Игорь обнял мать, сероглазую, русоволосую, с правильными чертами лица и такой же как у него ямочкой на подбородке.

— Как долетели? — спросил Игорь, не отрывая глаз от матери

— Как мы могли долететь бизнес-классом? Конечно, шикарно! Ты лучше послушай наш сюрприз, вот он — Валентин Анатольевич ткнул пальцем в округлившийся живот своей невестки, Кати, которая закатила вверх свои голубые глаза, вероятно не одобряя такое начало разговора.

Игорь полгода назад летал на свадьбу к своему брату, Косте, которого до этого видел трижды, последний раз, будучи четырнадцатилетним подростком. Однако получив приглашение на свадьбу, дабы соблюсти приличия полетел, и вот теперь он понимал причину этой самой свадьбы. Нет, возможно, не это явилось причиной, или не только это, но Игорь, относящийся к брату неприязненно, по идущей откуда-то с детства зависти к нему, что Косте, а не ему досталась вся родительская любовь, подумал именно так.

— Поздравляю, — ответил он, пожимая Косте руку.

— Так что скоро ты станешь дядей, — резюмировал отец, — у тебя будет племянница.

Что с того? Думал Игорь. Племянницу он также как брата увидит от силы несколько раз, и будет для нее таким же чужим, как и она для него.

Его же двоюродные племянники, дети Наташи — семилетний Артем и пятилетний Данил, повисли на нем с двух сторон, едва он пересек порог дома, в котором прошла добрая часть его детства, его юность, и двери которого всегда были распахнуты для него, так же как объятия воспитавшей его Ольги Сергеевны.

— Вы его повалите, — чуть насмешливо произнесла Наташа, наблюдая за тем, как радостно приветствуют Игоря ее родители, и ее дети.

— Еще и тебя потяну, — Игорь сгреб в охапку и Наташу, которая, смеясь, начала отбиваться, отцепляя от него заодно детей.

Складывалось впечатление, что это Игорь прилетел из далекой Америки. Однако, после этого первого, самого горячего всплеска родственных чувств, последовали и другие, возможно более сдержанные, но достаточно теплые.

Узкий коридор наполнился возгласами, шумом, возней

— Как же быстро растут дети...

— Ай-яй-яй, как давно вы нас не навещали...

— Если бы не Игорь...

— А ты потолстел...

— А ты полысел...

Обмен любезностями наконец-то был прерван хозяйкой домой приглашением к столу. Ольга Сергеевна расстаралась, стол ломился от домашних снадобий, особенный упор был сделан на блюда русской кухни, и «американцы» с удовольствием потянулись к холодцу и селедке под шубой.

Разговоры, начавшиеся с житейских тем, как оно обычно бывает в обществах с доминирующими в количественном отношении мужчинами, перетекли в плоскость политических дебатов. Валентин Анатольевич с Дмитрием Анатольевичем, имеющие диаметрально противоположные точки зрения на животрепещущие для мирового сообщества темы, схлестнулись в жарком споре. Игорь не примыкал ни к чьему мнению, он тревожно поглядывал на часы, ожидая звонка и, не дождавшись, извинился, вышел в соседнюю комнату, очевидно, чтобы позвонить самому.

Игорь ждал звонка от Романа, который должен был встретить Любу, прибывающую в Москву поездом в это время, вместе с ее мамой и Светланой. Люба сама предложила Игорю заняться встречей родителей, сочла это более важным мероприятием, нежели встреча ее пер-

соны, тем более что они расстались всего лишь неделю назад. Этим днем также планировалось, что Люба посетит свадебный салон, где под нее подгонят привезенное из Франции платье, перчатки, прочие мелочи, а также обсудит со стилистом макияж и прическу.

Встретиться они с Игорем договорились на следующий день в два часа непосредственно возле ЗАГСА, так как в день свадьбы до церемонии бракосочетания по какой-то дурацкой традиции видеть невесту считалось плохой приметой, и на соблюдении этого условия настаивала Вера Ивановна, мама Любы.

И все бы ничего, если бы в голове Игоря в эту ночь не зародилась некая мысль.

Мысль эта была такова — Люба не любит его. И он просто вынудил ее на этот брак, навязав свое желание. Вначале он счел эту мысль смехотворной, но так как она упорно не уходила из его головы начал раздумывать, а раздумывая все больше убеждаться в ее справедливости. Он вспоминал ее дрожащие пальцы и полные слез глаза, когда надевал ей на руку кольцо в Сыроварне. Тогда она не дала ему ответ, он сам сказал, что ей нужно хорошо подумать. И полгода он сходил с ума от того, что Люба может впоследствии отказать ему. И вместо того, чтобы спросить ее, что она решила, он, ввалившись в ее квартиру с огромным букетом роз, который вручил матери Любы, с жаром стал просить у матери руки дочери, стараясь не смотреть при этом на дочь. Ему было слишком больно осознавать, что его судьба решается этой хрупкой девочкой, и от ее решения зависит будет ли он счастлив в личной жизни, или все полетит в тартарары, и он навсегда закроет для себя эту тему.

И взволнованная его неистовостью Вера Ивановна произнесла, глядя на Любу:

— Да согласна ли она?

Игорь на миг оцепенел и услышал очень быстрый ответ:

— Я согласна

И только тогда он смог взглянуть на Любино бледное, но очень решительное лицо.

Еще не веря в свое счастье...

И вспоминая это, он ужасался теперь все больше и больше, убеждаясь, что это Любино согласие он ей навязал. Он решил все за них обоих, и Люба согласилась из страха, жалости к нему и бог весть еще по каким причинам, кроме той одной, по которой хотел Игорь.

Ему казалось, что перед ним открылась истина — она не любит его. Он надавил на нее, принудил, заставил, поспешил. Поспешил с тем, чтобы она не успела подумать, и она прежде согласилась, а теперь, теперь раскаивалась в своем согласии. И думала, что уже поздно что-либо менять. Заявление подано, гости приглашены, ресторан оплачен. Стыдно и позорно теперь сказать «нет».

И теперь, не имея возможности встретиться с ней, не нарушив установленные договоренности, у него оставался лишь путь звонить Роману и опираться на его мнение о том, как Люба выглядит и как себя чувствует за день до предстоящей свадьбы. К сожалению, от Романа ничего толком добиться в телефонном разговоре не удалось. Игорь понадеялся, что расспросит его подробнее вечером, в ресторане, на так называемом мальчишнике.

На мальчишнике, представлявшем из себя обычные посиделки в тихом ресторанчике, Игорь извел Романа в стремлении выведать все детали их встречи, о которых Роман, к отчаянию Игоря вспомнить не мог, не придав им никакого значения.

Он, как и Игорь, был рассеян, и причиной этой рассеянности являлся спектр чувств, испытанный им, при виде Светланы, с которой они расстались год назад по ее инициативе.

Вспыхнувшая между ними когда-то страсть, была не чем иным, как следствием некоей легкости бытия, в котором они оба прибывали. Светлана, перебравшая алкоголя в тот вечер в «Сопрано», очутилась с Романом в номере, просто по легкомыслию чувств. Она отнеслась к нему, не более чем как к кусочку шоколадного торта, съеденному на десерт. Встретившись с ним еще пару раз, она стала избегать его. Роман, в принципе, исповедовавший подобное отношение к своим связям на стороне, как не странно, был уязвлен таким отношением к себе. И

чем более решительные отказы он получал, тем более настойчиво искал с ней встреч, бегая по замкнутому кругу. И вот, в очередной свой приезд в Ростов, когда он решил вызвать ее на откровенный разговор, и пришел за тем к институту, он наблюдал сцену, в которой какой-то мужик, явно годившийся Светлане в отцы, опередил его, подойдя к ней. Проследовав с ней до стоящего неподалеку мерседеса, он услужливо открыл перед ней дверцу, помогая усесться на переднем сидении, игриво ушипнув ее при этом за зад. Мерседес промчался мимо ошарашенного Романа, и с того момента он прекратил искать со Светланой каких-либо встреч и даже заблокировал ее телефон на всякий случай, хотя Светлана его и не беспокоила.

Но встретив Светлану на вокзале, та болезненная сцена, как ему казалось, уже похороненная где-то в самых глубоких недрах подсознания, вдруг так легко и непринужденно всплыла в нем, словно он переместился во времени и пространстве. Туда — где на фоне желтого здания стройную молодую девичью фигурку по-свойски обнимает чужая, грубая мужская рука. Где обладатель этой руки, попадающий под определение «папик» на современном молодежном сленге, увозит девушку в роскошном мерседесе, вероятно, в ресторан... И новые сцены, уже дописанные воспаленным ревностью воображением, проплывали перед ним, заставляя сердце учащенно биться, и испытывать головокружение и приступ легкого удушья, когда он невпопад отвечал на вопросы Игоря.

Глеб поздравлял Игоря с женитьбой, одобрял его выбор, желал ему счастливой семейной жизни, но, вероятно, настроение друзей передалось ему, и он начал укорять Игоря за то, что тот решил обойтись без брачного контракта, и рисовать ему всевозможные кары в случае развода. Благо за примерами таких кар далеко ходить не надо было, он сам был ходячим примером. Как сапожник без сапог, он — юрист женился без контракта, в результате любовной лихорадки, сносящей напрочь голову. В результате случившегося после десяти лет совместной жизни развода, он был вынужден переехать в квартиру, взятую в ипотеку, оставив дом своей бывшей с детьми. Вынужден был оставить жене дорогой автомобиль, передать ей часть ценных бумаг. Пострадал и его бизнес, причем настолько, что ему пришлось идти в наемные работники. И это все притом, что жена его не работала в своей жизни ни дня. Все эти разделы сопровождалось громкими судебными процессами, скандалами, изрядно подпортив ему нервную систему.

И мало того, что жена его обобрала как липку, по его выражению, она еще настроила детей против него, обвиняя во всех тяжких, в чем изрядно преуспела. Особенно ополчилась на него старшая дочь, прекратив общение и даже не пригласив его год назад на свадьбу.

Друзьям эта история была давно уже известна, как известен и тот факт, который Глеб в своем рассказе обычно опускал. Причиной развода явилась его связь с молодой любовницей, которая впрочем, после его развода достаточно быстро прервалась. Глеб, потерявший половину своего имущества и статус бизнесмена, находящийся в раздراиве войн со своей бывшей, не спешивший при этом связать себя новыми узами брака, как то быстро стал ей неинтересен. И, по закону бумеранга, он сам оказался в роли рогоносца.

Но не так давно случилось событие, вновь взволновавшее его, и вся его тирада, рассказанная явно не по случаю, явилась предысторией к нему. А случилось то, что у Глеба родился на днях внук, о чем он узнал от совершенно чужих людей. Ни его бывшая супруга, ни его родная дочь не сочли нужным оповестить его об этом. И дни давно минувших дней всколыхнулись в его душе.

— Нет, для меня вопрос женитьбы закрыт окончательно и бесповоротно. Только содержанки. Надоела — до свидания! Без всяких имущественных и иных претензий, — подытожил Глеб.

— Начал за здравие, кончил за упокой, — мрачно заметил Роман

— Извини, Игорь, — спохватился Глеб

— За что? — Игорь пожал плечами, — Твоя позиция давно известна. Что, ты должен мне сегодня врать, потому что я завтра женюсь? Ты мне скажи, — он вновь обратился к Роману, — Люба... Она... Ты не заметил в ней ничего необычного?

— Да нет, ничего необычного я в ней не заметил, — рассеяно ответил Роман

Игорь догадался, что из трех приехавших дам, Светлана занимала Романа, прежде всего, что касается миссии его по отношению к Любе, она казалось ему очень простой — встретить и помочь с размещением в гостинице, где для троицы было снято два номера, отдельный для Любы и отдельный, двухместный для ее мамы и Светы. И вовсе для достижения этой цели не было никакой необходимости пристально разглядывать Любу и отмечать, бледна она либо румяна, молчалива или говорлива, обеспокоена чем-то или напротив радушна.

После закрытия ресторана, остаток ночи Игорь бродил по городу, продолжая накручивать себя, а утром, лишь рассвело, позвонил Любе и сказал, что срочно должен ее увидеть. Взял такси и поехал к ней в гостиницу.

Она открыла ему дверь номера, и он, лишь взглянув на нее, убедился в своем страшном предположении. Кровать была не разобрана и, очевидно, Люба, как и он, провела бессонную ночь. Белым приведением висело на вешалке свадебное платье. На бледном лице ее отчетливо запечатлелся страх, в чернеющих глазах отражались растерянность и испуг.

Если бы Игорь мог увидеть себя со стороны, возможно, он бы понял причину ее испуга. Если бы в нем оставался хоть грамм здравомыслия, он бы смог рассудить, отчего может испугаться девушка, которой накануне свадьбы звонит жених, просит о немедленной встрече и затем врывается в ее номер всклокоченный, дрожащий, с безумным взглядом.

— Люба, послушай... — начал он сразу, не поздоровавшись с ней, — Если ты не хочешь, еще не поздно. Скажи мне, и я все это прекращу. Не бойся. Это все же лучше, чем выйти замуж и после пожалеть...

— Ты хочешь отказаться от меня? — Люба посмотрела на него широко открытыми глазами.

— Нет, что ты, — с горячностью ответил он, удивляясь, как могла подумать она об этом, — Я уверен в себе. Но любишь ли ты меня? Скажи мне честно, прошу тебя.

Он напряженно вглядывался в самую глубину ее черных глаз, пытаясь там найти ответ на мучавший его вопрос.

— Люблю ли я тебя? — воскликнула Люба, глядя на него так, словно он спросил у нее может ли она дышать, — Я ведь тогда... После того..., — она запнулась, но он понял, что она хотела этим сказать, — Я ведь думала руки на себя наложить..., — глаза ее горели огнем, грудь вздымалась от охваченного волнения, словно ей не хватало воздуха, словно она задыхалась, — Да, да, знай же обо мне. Я способна... Потому что думала, что конец всему. И с тобой не могу, не могу быть твоей любовницей, не могу делить тебя с кем-то... И без тебя не могу. Если бы ты не предложил, я не знаю... Не знаю, что со мной бы стало. Вот такая моя любовь к тебе... А сейчас... Я просто не могу поверить в это счастье... Я боюсь... Боюсь проснуться, а тебя... Тебя нет. И ничего этого нет.

Сдерживаемые ею эмоции вырвались наружу, и она заплакала навзрыд.

— Прости, прости меня, — он прижал ее к себе, кляня себя в душе за то, что усомнился в ней.

Шептал ей «прости» осыпая поцелуями прохладные от слез щеки, она сама потянулась губами к его губам, поймав их, словно бабочку сачком, доверчиво припала к ним. Игоря обдало жаром. Она, почувствовала, как напряглось и задрожало его тело, отпрянула:

— Игорь... Не хорошо. Тебе лучше уйти сейчас.

— Да, да... Прости

Игорь с трудом разомкнул свои объятия и выскользнул из номера, столкнувшись в дверях с Верой Ивановной. Та окинула его неодобрительным взглядом, он слегка поклонился и произнес на этот взгляд:

— Простите...

Весь этот день и вечер был для Любы, словно в тумане и ее состояние вызывало у Игоря острую жалость. Он уже сто раз пожалел, что затеял всю эту церемонию, поддавшись уговорам друзей, а не ограничился одним походом в ЗАГС.

Игорь куда-то уплыл сознанием, слушая пафосную речь привычно улыбающейся женщины, и не услышал ее вопрос, адресованный ему, молчал. Повисла неловкая пауза. Глеб, ткнув его сзади в спину, вернул в реальность и на повторившийся вопрос женщины, который состоял в том, желает ли он взять в жены Любу, ответил тоном раздраженным:

— Конечно, да

Читалось это — «что за дурацкий вопрос, зачем бы я сюда пришел, если б не желал»

Женщина, не меняя своей улыбки, словно она прилипла к ее лицу, обратилась с аналогичным вопросом к Любе.

Вышла заминка с кольцами. Люба попыталась стянуть с руки высокую перчатку, с тем чтобы Игорь наддел кольцо, почему-то решив, что его нужно надеть на голый палец, а не сверху на перчатку. Светлана поправила ее, и Люба смущенно протянула руку в перчатке. От этого смущения руки ее дрожали, беря кольцо, адресованное Игорю, и присутствующие, наблюдавшие за этим действием, выдохнули с облегчением, когда Люба при помощи Игоря надела его.

Дважды Люба роняла ручку, ставя подпись в каком-то толстом талмуде, один раз неловко взяв ее со стола, и вероятно, она выскользнула из-за перчатки, второй, когда Игорь поднял и протянул ей, и так получилось, что он разжал руку до того, как она взяла ее.

Фотограф изрядно утомил их, долго пытаясь добиться правильных поз и ракурсов, то усаживая в креслах возле импровизированного камина, то выстраивая возле зеркал и мраморных колонн, то делая общее фото у стены.

Однако выйдя на воздух, и распрощавшись с казенным, по сути, заведением, задекорированным под дворец, и в попытке заменить собой храм, заключающий в себе какую-то фальшь, Люба с Игорем почувствовали облегчение. Разъезжая по Москве фотографируясь на фоне знаменитых достопримечательностей, они значительно оживились, словно самое тягостное и неприятное в свадебной церемонии было завершено.

К банкету все почувствовали себя изрядно проголодавшимися.

Роман на банкете лез из кожи вон, рассыпаясь в любезностях перед своей женой, Дашей, рыжеволосой зеленоглазой бестией, и всем своим видом изображая в нее пылкую влюбленность. Бывалая Даша быстро определила причину откуда-то возникших столь нежных к ней чувств, и едва не устроила скандал, подкараулив выходящую из туалета Светлану. Скандал непременно бы случился, если бы Глеб, своим зорким глазом заранее вычленивший из толпы гостей возможные очаги напряженности, и оперативно реагирующий на их вспышки, не появился перед дамами как чертик из табакерки. Со своей обворожительной, ласково-холодной улыбкой он остудил пыл обеих дам:

— Девочки, давайте не будем омрачать Любе праздник. Я вас прошу...

С этими словами он подхватил Светлану за локоть, и повел к столу, попутно недовольно бросив зазевавшемуся Роману, разыскивающему свою супругу:

— Где ты, там вечно скандал.

Роман с притворной улыбкой, беря Дашу под руку, громко воскликнул:

— Так вот ты где, милая! А я тебя искал.

Милая, свирепо взглянув на мужа, распираемая злостью от не случившегося скандала, выдернув свою руку, гордо понесла тело в длинном атласном алом платье вслед за Глебом и Светой.

Роман все-таки решил разнообразить томность вечера и когда ему предоставили слово для поздравления, объявил заготовленный к случаю сюрприз. Им оказался танец в бокале.

Услышав одно название сюрприза, Игорь, прекрасно зная повадки Романа, досадливо подумал «хоть бы не стриптизерша». Заерзал на своем стуле и Глеб. Но Роман оказался не столь банален, и приглашенной артистке, при беглом на нее взгляде, казалось, снимать с себя было нечего, подслеповатый дед Игоря даже крикнул, решив, что девушка голая. Однако при более пристальном рассмотрении можно было увидеть, что она облачена в телесного цвета тончайший комбинезон, словно кто-то начал вязать прямо на ней капроновые колготки, увлекся и смог остановиться, лишь доведя их до уровня шеи.

Вместе с девушкой на середине зала появился невообразимых размеров широкий стеклянный бокал на длинной ножке. По приставленной к бокалу лестнице девушка легко вспорхнула, попутно отправляя направо-налево воздушные поцелуи, опустилась в него и под медленную музыкальную композицию начала совершать какие-то немислимые гимнастические трюки. Она свивалась на дне кольцами подобно змее, прогибалась в спине, словно в ее теле отсутствовал позвоночник, садилась в продольные и поперечные шпагаты, опираясь своими длинными ногами на край бокала.

Игорь искоса взглянул на Любу, в глазах у той зажглись смешливые огоньки, и она через стол дарила снисходительные улыбки наблюдавшему за ее реакцией Роману.

Девушку проводили бурными овациями, громче всех аплодировал дед Игоря, но когда ему пояснил Дмитрий Анатольевич, что девушка одета, тот недовольно произнес:

— Везде обман!

И с досады опрокинул рюмку водки, выпив ее в гордом одиночестве.

Роман, довольный произведенным впечатлением от заказанного им номера, вышел на улицу покурить. Он стал за белой колонной, чиркнул зажигалкой, затянулся и с наслаждением выдохнул. Дверь ресторана открылась, и он увидел вышедшего Игоря. Тот подошел к соседней колонне с противоположной от Романа стороны и оперся на нее спиной, глубоко вдыхая свежий ночной воздух. Роман хотел было присоединиться к нему, как увидел, что из-за вновь открывшейся двери показалась Даша и быстрым, спешащим шагом направилась к Игорю.

Роман отпрянул. Они не видели его, и он решил остаться незамеченным. Ему нестерпимо захотелось подслушать их разговор. Ему казалось, что содержимое разговора ему известно, известно каждое слово, каждая интонация, и темп, и паузы; и жесты, и взгляды, с которыми он будет произнесен. Как когда-то выученное и декларируемое им самим стихотворение, въевшееся в память ржавчиной. Сейчас его прочтут какие-то актеры, и оно оживет в памяти, и мысленно он будет произносить их в дуэте с ними. Что он будет делать потом, после окончания спектакля, в данный момент он не мог определить. Будет ли аплодировать актерам, или кидать в них гнилыми помидорами... И, вообще, что-либо делать, об этом Роман не думал. В его намерении не было ничего от жажды разоблачения — внезапного и торжествующего появления униженного и опороченного человека, меняющегося своей ролью с разоблаченными им преступниками, пойманными с поличным на месте преступления. Ничего от стремления узнать неизвестную для него правду, он знал ее, как ему казалось, и оттого не нуждался в доказательствах. Ничего от желания погрузить воображение в низкие, мелкие, гадливые подробности чужой любовной связи. Это был чистой воды мазохистский поступок, желание доставить самому себе нестерпимую, невыносимую боль, вновь расковырять кровоточащую рану, чуть подернутую легкой коркой, в своей душе.

— У меня для тебя тоже подарок, — послышался голос Даши

Она протянула Игорю отутюженный, аккуратно сложенный платок с вышитым вензелем «ИГЛа» в углу.

— О! Это, пожалуй, лучший подарок, — голос Игоря был мягок и приятен, — Роман мне дарил коллекцию, и я никак не мог вспомнить, где один потерял. Спасибо, Даша.

— Пожалуйста, — Даша усмехнулась, и недобрый огонек мелькнул в ее кошачьих глазах, — А мне ведь крепко досталось из-за него, ангел. Никогда Роман на меня руки не поднимал. А тут ударил. Я его таким никогда раньше не видела. Чистый дьявол... Не думала, что он способен... Все из-за этого платка. Обронила его, когда ты мне в ванной вытрезвитель устроил, а он нашел...

В голове Игоря мелькнула страшная догадка, от которой пробежал легкий холодок по телу.

— Но ты же сказала ему правду? — спросил, хватаясь за хрупкую надежду, как утопающий за соломинку.

Дашины губы расплылись в ехидной улыбке, и по сужившимся насмешливым глазам ее он прочел ответ.

— Дрянь. Ну, и дрянь же ты, — бросил с глухой ненавистью в голосе.

— Я никогда не признавалась ему в своих истинных изменах, а тут решила признаться. В ложной. Правда, забавно?

Даша захохотала, любуясь реакцией Игоря.

— Но зачем? — воскликнул тот с удивлением

— Затем, что ты меня тогда оскорбил. А за оскорбления нужно платить, ангел. И ты знаешь... Я испытала, пожалуй, больший экстаз, опорочив тебя, ежели ты бы меня трахнул.

— Но ты же и себя опорочила

— А, да мокрому дождь не страшен. Мне, в отличие от тебя, терять было нечего...

— Он должен узнать правду... Мне нужно поговорить с ним. Сейчас, — Игорь повернулся к Даше спиной, вознамерившись вернуться в ресторан.

— Он не поверит тебе, — кинула ему вослед, хохоча, победно блестя глазами, наслаждаясь произведенным фурором.

— Уже поверил.

Раздался голос и из-за соседней колонны вышел Роман

Игорь остановился в изумлении, замерев в своем движении к двери, Даша остолбенела, ее раскосые глаза округлились блюдцами, в лицо хлынула краска, смех оборвался и губы задрожали.

— Как... Ты?

— И нашла же время и место, — бросил в ее сторону Роман

— Я... Рома. Надо объясниться нам всем, — Игорь начал приходить в себя от неожиданного появления Романа

— Не надо, Игорь. Я все слышал. Мы сейчас уедем. Объясняться я буду с женой. Дома.

Рома достал мобильник и стал вызывать такси, дрожащими пальцами тыкая в экран. Его короткие фразы, тон голоса — низкий и угрожающий, дрожание пальцев, выдавали в нем крайнюю степень волнения, которую он безуспешно пытался скрыть под маской деланного спокойствия.

Даша понуро наклонила голову, но Игорь успел заметить, что в глазах ее нет, ни грамма, страха, а есть лишь досада от того, что месть ее провалилась.

Дверь ресторана распахнулась и появилась Люба в сопровождении Глеба. Окинув взглядом троицу, она поняла, что между ними произошел какой-то неприятный инцидент.

— Что случилось? — обратилась она к Игорю.

Тот, пропустив ее вопрос, все также пристально смотрел на Романа.

Люба, проследив за его взглядом, обратилась с тем же вопросом к Роману.

— Ничего, — ответил тот, — У Даши голова разболелась, и нам придется уехать...

— Так рано?

— Ребята, там торт выносят, нужно идти, — вмешался Глеб

— Подождет твой торт, — раздраженно ответил Игорь, — Рома, на пару минут

Он взял Романа под руку и отвел чуть в сторону

— Я прошу тебя, не трогай ее... Прости ее. Ради нашей дружбы. Ты обещаешь?

— Прости меня, Игорь, я усомнился. В тебе. И в нашей дружбе, — ответил ему на это Роман.

— Ничего... Это ничего, — перебил Игорь, — Но ее. Ее не тронь. Обещаешь? — Игорь напряженно вглядывался в уставшие глаза Романа.

— Да, — нехотя произнес тот в ответ

— Игорь, надо идти к гостям, — нетерпеливо позвал Глеб, — ну, вот где ты, там вечные проблемы, — крикнул он в сторону Романа.

Даша, как ни в чем не бывало, быстро оправившись от неожиданного удара судьбы, улыбаясь, поцеловала на прощанье Любу в щеку:

— Свадьба была великолепна! Надеюсь, мы с тобой подружимся.

— Да, конечно, — улыбнулась ей в ответ Люба

— Только через мой труп, — не удержавшись, тихо бросил в сторону, Игорь, — Рома, помни, ты обещал! — крикнул уже громко Роману, открывающему заднюю дверь подъехавшего такси, и кивающему Даше, в предложении занять место. Роман сел рядом с водителем, хлопнув дверью сильнее необходимого к неудовольствию водителя.

К облегчению Глеба, Игорь с Любой последовали за ним в ресторан.

После символической продажи кусков торта, к концу вечера, когда алкоголь обострил старые семейные раны, у деда развязался язык и он стал отчитывать Валентина Анатольевича за брошенного в свое время по его выражению «на произвол судьбы» внука, и даже Глеб, проявив весь свой такт и дипломатические способности, не в состоянии был удержать ситуацию в благопристойном виде.

— Глеб, не напрягайся, мне давно все равно, — махнул Игорь рукой обескураженному Глебу на нахохлившегося отца и грозно сверкающего глазами деда, выдерживающему паузу перед очередным броском.

Воспользовавшись этой паузой, Игорь, поблагодарил гостей за проведенный вечер и быстро начал прощаться. Они с Любой сели в черный бентли, провожаемые вышедшими следом гостями, машущими им вслед, заехали вначале в гостиничный номер, где Люба быстро переделалась в джинсы и рубашку, взяли ее чемодан с собранными заранее вещами, затем на городскую квартиру Игоря, где переделался он и захватил свой чемодан и отправились в аэропорт.

И спустя пару часов после своей свадьбы, они сидели в салоне самолета, и смотрели вниз на расцветенный миллиардами огней быстро удаляющийся мегаполис.

Глава 3

Свадебное путешествие окончилось.

Игорь с Любой стояли на пороге его городской квартиры в Москве вместе со своими верными попутчиками — двумя объемными чемоданами на колесиках.

Другой город, шумный, деловой, с мельтешащими людьми, которым нет никакого дела не только друг до друга, но и до самих себя, распахнул свои объятия для Любы. Объятия эти показались ей равнодушными, холодными, и город, вступивший в осень, здесь слякотную, промозглую, туманную — серым. Чужим.

Городская квартира Игоря предстала перед ней кусочком этого города, осколком от него отколовшимся, она поехала, впервые оглядывая пустоватое, серо-белое пространство, лишенное любого яркого пятна.

Главным плюсом квартиры для Игоря являлась ее близость к бизнес-центру, в котором располагался его офис, занимающий целое четырнадцатизэтажное здание с пентхаузом. Впрочем, и в самом офисе имелись гостиничные апартаменты, расположенные на верхнем этаже в конце коридора за серой стальной дверью и состояли из кухни, двух комнат, санузла и холла с зеленым бильярдным столом по центру. Игорь поселял в апартаменты приезжавших к нему в командировку непритязательных партнеров, и интересных ему людей, некоторые из них были таковы, что денег им хватало лишь на дорогу в Москву и обратно, кое-кому сам Игорь оплачивал дорогу. Иногда он играл там в бильярд с тем же Глебом и Романом, и с гостями любителями. Но ночевать предпочитал в городской квартире, убеждая сам себя в том, что таким образом он все-таки отделяет себя от своего бизнеса, хотя бы во сне пребывая в личном пространстве.

Кроме близости к офису для Игоря была важна чистота. Приходящая ежедневно в его отсутствие женщина из клиринговой службы ежедневно поддерживала ее, делая влажную уборку. И еще он нуждался в тишине. С этой задачей справлялись пластиковые окна с усиленным стеклопакетом, не пропуская звуки города внутрь.

Более от квартиры не требовалось ничего.

Люба обводила стены тоскливым взглядом, думая, что если она тут будет жить, то вскорости вероятно заболеет, потому что квартира напоминала ей больничную палату.

Их сказочный медовый месяц длительностью четырнадцать дней закончился, и рай резко сменялся адской обыденностью. Находясь в этом странном полупустом помещении, совершенно не соответствующем образу жилья миллиардера в Любином понятии, она вдруг осознала, насколько необдуманно поступила, отдавшись своему любовному порыву. Нет, она несколько не жалела о своем замужестве, ради Игоря она бы отдала все, и даже свою жизнь отдала бы не раздумывая. Но этого никто от нее не требовал. А отдать жертву великую однажды во имя такой же великой цели гораздо проще, чем жертвовать по чуть-чуть каждый день, рутинно, однообразно и бессмысленно.

Она жалела, что не обсудила с Игорем свою новую жизнь, до того, как согласилась выйти за него. Что тогда, находясь на берегу, она могла бы выдвинуть ему свои условия этой жизни, и он бы из желания получить ее в жены пошел бы на них. А теперь, ее единственный козырь был истрачен...

Она уже отдала свой любимый Ростов... Свою набережную с вольготно раскинувшимся Доном, ласковые пляжи с бликами солнечных зайчиков на воде, и жаркое южное солнце на безоблачном, ослепительно голубом небе. И людей на улицах, таких же ярких — женщин красивых, игривых, смеющихся, и мужчин страстных, оборачивающихся им во след... В том, брызжущем красками и теплом мире осталась ее мама, любимая подруга, знакомые и приятели. Школьные учителя и преподаватели универа, одноклассники и одногруппники, всегда

радостно встречаемые ею на улицах, в магазинах, на рынке. Врач педиатр, Светлана Александровна, жившая в соседнем доме, лечившая все ее детские болячки, с того самого момента как она, дрыгающая ножками и ручками, с зеленым пупом, сорокадневная, предстала перед ее взором. И хотя Люба уже почти десять лет не посещала детскую поликлинику, педиатр, к слову сказать, тоже, по причине выхода на пенсию, Светлана Александровна не прекращала оставаться ее врачом, и с любыми недомоганиями Люба всегда могла зайти к ней домой и получить дельные советы. Парикмахерша Лиля, смешливая вертлявая девушка, из которой, как из рога изобилия сыпались истории ее клиенток, так, что, вернувшись после посещения парикмахерской Люба, усаживалась за компьютер и по горячим следам писала пару добротных рассказов. Лидия Владимировна, ее требовательный педагог по вокалу... «Нет, Люба, вы спели сейчас легато... А мне надо нон-легато, нон-легато... Сначала, пожалуйста...». Сколько всего осталось там. А тут? Что у нее тут? Только Игорь и больше никого и ничего...

Позволит ли он ей работать и обзавестись новым кругом знакомств? Или запрет в эту холодную клетку, ограничив ее ролью жены и матери своих будущих детей. Впоследствии пресытится ею, будет бегать по любовницам, выбирая себе все более молодых, тогда как она будет стареть в одиночестве... Запертая в холоде, как снежная королева в своем замке... И сердце ее, южное и пылкое, превратится в кусок льда...

На глазах Любы навернулись слезы. Она в бессилии опустила на чемодан.

— Эй, ну ты чего? — Игорь присел перед ней на корточки, тревожно заглядывая в глаза, — Тебе здесь не нравится?

— Нет... Нет... То есть... Нравится, — она улыбнулась ему через силу. Приподнялась и через холодный холл прошла к окну, занавешенному светло серыми вертикальными жалюзи.

Она еще не научилась быть с ним искренней и говорить ему правду. Да и как такое скажешь? Еще вчера они купались нагишом в волнах океана, как первые люди на земле, счастливые и беззаботные, а сегодня «ты наверняка меня разлюбишь, заведешь любовниц, а я замерзну в этой ледяной берлоге от тоски...». Это ему сказать?

Люба тряхнула головой.

— Ты можешь переделать здесь все на свой вкус, — наблюдая за ней, продолжил Игорь, поднявшись и опершись на стену, — Честно. Мне все равно на цвет стен, потолка... Единственное, я не люблю текстиль, все эти тяжелые шторы, паласы, пледы, ковры. Это все собирает пыль, как не убирай... Но, если ты хочешь...

— Нет... Не обязательно. Пусть все так остается. Тебе так привычнее, лучше... — Люба с тоской взирала в окно, отодвинув жесткое как картон полотно, за которым бурлила деловая жизнь. Соседний дом, безликая коробка, устремленная ввысь, казалось, находился от нее на расстояние вытянутой руки, внизу в пробке выстроилась километровая очередь из машин. Бетон, асфальт, сталь, ни зеленого кустика, ни деревца, ни травинки... Какой смысл что либо переделывать, внутреннее вполне соответствует внешнему, — Игорь, я бы хотела устроиться на работу, в издательство или рекламное агентство, может в коммерческую компанию в офис, пока не знаю... Посмотрю на хед хантере, похожу по собеседованиям...

— Исключено, — оборвал ее Игорь, скрестив руки на груди.

Ее прогнозы начинали сбываться.

— Почему? — она обернулась на него и посмотрела в упор неожиданно злым взглядом.

— Потому что ты моя жена, Люба.

— И я должна стать домохозяйкой и матерью твоих детей..., — раздраженно отозвалась она, — Это в твоём понимании — жена?

— Детей я пока не хочу, хозяйство вести наняты специально обученные люди, — ее раздражение передалось ему, — Жена для меня — это женщина, которая меня любит. Больше я от тебя ничего не требую. Материальное обеспечение семьи — это мужская обязанность, я с ней прекрасно справлюсь без твоей помощи. Тогда для чего тебе ходить на работу? Быть

связанной сторонними обязательствами? Подчиняться кому-то? Объясни мне — зачем тебе это нужно?

— Но ведь мне нужен социум. Ты сам разочаруешься во мне, если я буду сидеть в четырех стенах и сходить с ума от безделья...

— Вот и подумай чем себя занять, чтобы не сидеть в четырех стенах и не бездельничать. Но работа в офисе исключается. Мне нужна жена, а не дерганная ломовая лошадь.

Он тоже не научился пока говорить ей правду.

И не мог признаться ей, что основная причина его решения — ревность. Люба, на его взгляд, была слишком красива, слишком сексуальна, слишком желанна, чтобы мужчины к ней спокойно относились. Работа — мужская территория. И там много мужчин — коллеги, руководители, партнеры... И с ними его молодой жене придется проводить гораздо больше времени, чем с собственным мужем, а во что это выливается он знал на опыте своих сотрудников, бурные любовные романы которых под час выплескивались наружу, в рабочее пространство, где им совсем не место было быть. Взять ее в собственный офис и создать себе этим лишний очаг напряженности он также не хотел. Да и со стороны Любы он такого желания не ощутил, получалось, с выходом за него замуж он для нее как работодатель умер, так же как она для него как сотрудница.

Опустив свои ревностные поползновения, он уцепился за аргумент, что их семья не нуждается в деньгах, и довел его до абсурдного: «работающая жена миллиардера — это ни что иное как унижение его мужского достоинства».

Никто не мог сказать правды, но каждый чувствовал, что другой что-то недоговаривает, следовательно, скрывает, и это раздражало. Вакуум наполнялся придуманной ложью. Они впервые после свадьбы поругались, и спали в холодной постели, каждый на своем краю, удалившись, как можно дальше друг от друга, проснулись такие же холодные.

За завтраком, который Люба приготовила из скромного набора продуктов, обнаруженных в холодильнике, состоявшем из пары бутербродов с сыром да яичницы, они молчали, тщетно ожидая друг от друга шага навстречу к примирению.

Яичница пригорела, сыр не по вине Любы оказался слегка подсохшим, еда была не вкусной, и Любе казалось, что Игорь уже начал в ней разочаровываться, что он думает «вот она даже такой простейший завтрак не в состоянии приготовить, жена называется». Игорь о еде думать вообще не мог, ее вкуса он просто не чувствовал.

Игорь четко выразил свою позицию, и менять ее не собирался. Люба со своей стороны чувствовала, что единственный путь к настоящему примирению — это смириться с его решением, и подчиниться, но ее дух бунтовал против этого, а лицемерить она не могла.

Примирения так и не случилось.

В офисе Игорь первым делом вызвал к себе Романа, и на его неосмотрительный и фривольный вопрос — как ему в роли мужа, разразился гневной тирадой по поводу якобы халатного отношения Романа к работе. Роман понял, что в роли мужа Игорю как-то пока не очень, отнесся к этому с сочувствием и пониманием, и позволил себя ни за что отпинать, зная по опыту, что, во-первых, другу это всегда помогает, а во-вторых, начальник всегда прав. Сказал «халатно к работе относишься», значит так и есть. И смиренно потупив взор в пол, кивал в такт речи Игоря головой, мол, виноват, ах, как виноват...

Выйдя из кабинета Игоря, в приемной, он круто развернул направлявшегося туда Глеба, буркнув, «шеф не в настроении».

Глава 4

Два последующих дня прошли в напряжении. Игорь проводил в офисе по двенадцать часов, возвращался поздно, она подавала ему ужин, мыла тарелки и отправлялась спать. Ее бледное лицо и покрасневшие глаза свидетельствовали о том, что в его отсутствие она плакала.

Вывести ее на разговор ему не удалось, она отвечала односложно, скупо, неохотно.

Утром третьего дня, а это была суббота, на удивление выдавшаяся солнечной и теплой, он сообщил ей, что они едут в его, а теперь уже и ее загородный дом.

Глаза Любы вспыхнули интересом, и она неожиданно оживленно, в противовес своему безразличному и холодному тону, спросила:

— А что есть еще какой-то дом?

Дом был. И еще какой. Он появился у Игоря позже, чем его квартира, и в тот дом Игорь вложил свою душу.

За городом все порыжело и покраснело, Люба даже попросила Игоря остановить машину, и немного проехала по лесополосе на обочине дороги, с удовольствием жмурясь осеннему нежаркому солнцу, прислушиваясь к хрусту листьев под ногами, собрав охапку таких — охряных, багряных, лиловых. Она принесет их в холодную московскую квартиру, поставит в вазу и будет любоваться. Настроение ее стало улучшаться, и, подъезжая к массивным воротам, с виднеющимся за ними двухэтажным с мансардой домом, она уже общалась с Игорем легко и непринужденно, так, словно и не было между ними этого тягостного друг для друга трехдневного молчания.

Она окинула взглядом лаконичный дизайн двора — на ухоженном газоне высились разнообразных форм и окрасов хвойники и декоративные кустарники. Дорожки были выложены плоским камнем, вели вглубь сада с деревьями лиственными. Мангальная зона, беседка, увитая плющом, баня, дровяной сарай, открытый бассейн, искусственные водоемы с плавающими кувшинками и оранжевыми рыбками...

У Любы разбежались глаза от нахлынувшей красоты симбиоза рук человеческих и природы. Она то и дело восклицала «Ух, ты!», «Ничего себе!», бросала на Игоря восторженные взгляды.

Игорь с облегчением выдыхал, похоже, супруга оттаяла. А ведь они еще не вошли в дом, которым Игорь особенно гордился.

Возле живой изгороди, отделяющей парадную зону от зоны отдыха, жужжал аккумуляторными ножницами мужчина, лет шестидесяти, в бежевом комбинезоне. Ловко орудуя инструментом, он словно поглаживал кусты сверху вниз, и их плотные, облиственные ветви приобретали четкую форму. Из рядом сидящих кустов выходила полтора метровая в высоту и полуметровая в ширину зеленая стена.

Заметив Игоря, он выключил ножницы, и подошел к ним.

— Тимофеевич, садовник, — представил Игорь Любе мужчину, — Люба, моя жена, — было адресовано садовнику.

Тот кивнул в ответ, посмотрев с любопытством на Любу.

— Здесь так много растений, и все в прекрасном состоянии, — сказала Люба, и Тимофеевич засмутился от похвалы, — А здесь я могу что-то менять? — вопрос был обращен к Игорю.

— Конечно, — ответил Игорь.

— Тогда..., — Люба огляделась, — Здесь нет пионов. А как здесь организован полив?

— Автоматически включаются распылители и поливают дождеванием газон, под крупными растениями капля, — объяснял Тимофеевич.

— Для пионов не подойдет, — ответила Люба, — они от такого полива сгниют. Их нужно поливать редко, но обильно.

— Хорошо, — пожал плечами Тимофеевич, — тогда обычный шланг...

— И розы..., — продолжала озираться Люба, — Здесь нет роз. Что за сад без роз? В парадной зоне, на фоне хвойников они будут смотреться великолепно, тем более это самое солнечное место.

— Розы потребуют много ухода, — вздохнул Тимофеевич.

— Не переживай, — подключился Игорь к разговору, — найдем тебе помощника, если понадобится.

— Зачем? — удивленно посмотрела на Игоря Люба, — я бы сама хотела. Выбрать, посадить, ухаживать...

— Ты? — две пары удивленных глаз смотрели на Любу.

— Да я. И, пожалуйста, Игорь не начинай. Ты сказал — найди себе занятие. Только не работа в офисе. Это занятие и не работа в офисе. Так?

— Так..., — неуверенно ответил Игорь, не решив еще соглашаться ли ему с новой авантюрой жены.

— И небольшой огород, вот там, — она указала на конец участка, — разбить грядки под огурцы, помидоры, баклажаны, перцы. Зелень, конечно, петрушка, укропчик. Возможно, понадобятся теплицы. Чай не юга.

— Теплицы..., — Игорь закатил глаза.

— Пару грядок клубники. По периметру посадить кусты смородины, крыжовник... У забора малину..., — продолжала Люба, не обращая внимание на реакцию Игоря, все более вдохновляясь открывающимися для нее перспективами.

— Люба, угомонись, — прервал ее Игорь, — я не понимаю, зачем тебе это? Ну, цветочки, кустики, куда не шло, а огород? У нас полно фермерских частных хозяйств, прямо с грядки на стол доставят, что хочешь.

— Для удовольствия, — ответила Люба

— Что за удовольствие копать в грязи?

Тимофеевич чертил носком ботинка полукруг и улыбался, слушая диалог молодых супругов.

— А ты попробуй и узнаешь.

— Спасибо, воздержусь. И потом, во что превратятся твои руки? — не сдавался Игорь, — Ты моя жена, ты будешь сопровождать меня на светских приемах, благотворительных вечерах, днях рождениях, юбилеях, свадьбах партнеров. Ты должна выглядеть королевой. У королевы не может быть крестьянских рук.

— Ничего, надену перчатки, — холодно парировала Люба, — дом покажешь?

Они пошли по направлению к дому, Люба чуть впереди, удрученный Игорь с улыбающимся Тимофеевичем чуть позади.

— Я не удивлюсь, Игорь Валентинович, если лет через десять дойдет дело до курочек, и поросеночка, — тихо сказал ему Тимофеевич.

— Типун тебе на язык, — мрачно ответил на это Игорь.

— Боже мой, это потрясающе, великолепно... Игорь я хочу тут жить, — мрак развеялся восторженными криками Любы, вошедшей в просторную гостиную, залитую солнечным светом. Панорамное остекление гостиной впускало в себя максимум света, и открывала чудесный вид, с одной стороны на парадную зону с изумрудным газоном и строгими формами хвойников, с другой на листовенную часть сада с рыже-красной листвой. Никаких штор и жалюзи не было, и ощущение полного слияния с природой за окнами потрясло. В голове Любы тут же промчались картинки цветущих кустов и деревьев по весне, летней зелени и белоснежной зимы, с падающим за окном снегом. А картина осени уже была перед ней. Одна из картин, так будет

точнее. Сегодня такая, а завтра она будет уже другой. Листопад. Дождь за окном. Мистический всепоглощающий туман. Голые деревья черными ветками упирающиеся в свинцовое небо... Природа-художник никогда не повторяется...

Все Любе нравилось в этом доме. Камин с расположенным напротив кожаным диваном и двумя креслами возле небольшого столика. Она представила, как зимними долгими вечерами попивая чашку кофе, будет приятно смотреть на пламя живого огня. За раздвижными дверями находилась кухня столовая, по периметру которой лентой вилась встроенная техника и шкафы.

— Холодильник, посудомоечная машина, электрическая плита, духовой шкаф, микроволновка, — знакомил Игорь Любу с обитателями кухни.

А Люба гладила тяжелые спинки стульев из резного дерева, проводила рукой по поверхности дубового стола на резных ножках.

— Игорь, это же просто... Просто произведения искусства..., — шептала она, — Как за таким столом можно есть?

— Очень просто. Ты привыкнешь, — отвечал он польщенный ее словами.

Через кухню столовую можно было попасть в небольшую примыкающую комнату.

— Это мой кабинет, — отрекомендовал он ее Любе.

То же панорамное остекление, небольшой биокамин в углу, два кресла с круглым столиком между ними и висящий напротив экран телевизора, под ним колонки. Просто, лаконично, ничего лишнего.

На первом этаже имелся также санузел. Душевая комната и туалет. Сантехника сверкала белизной, стены были выложены изумрудного цвета плиткой.

— На втором этаже спальня, три гостевые комнаты, в последствие можно будет переделать их под детские. Там же еще один душ и ванная с джакузи... На мансардном этаже... Впрочем, пойдем, покажу... — он потянул Любу с восхищением разглядывающую полуметровый хромированный диск душа, усеянный многочисленными дырочками.

И Люба ахнула в очередной раз, подойдя ближе к крутой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Ее перила сплошь были изрезаны древнерусским орнаментом, завораживающим изгибами, завитушками, такие она любила рассматривать в иллюстрациях Назарука к сказкам Пушкина. И вновь ощущение сказочности, волшебства пространства захватило ее.

— Игорь, мне кажется, я поселюсь на этой лестнице и буду годами изучать этот рисунок, — говорила она, — но кто, кто сделал такую красоту?

— Нашел одного умельца в Сибири, таких, сейчас единицы по стране, а может быть в мире. Стол и стулья в гостиной тоже его рук дело...

— Он в дерево свою душу вложил, — серьезно сказала Люба, поглаживая перила, — чувствуешь, даже тепло идет. Как от человека...

Вечер они провели в беседке, за легким ужином из морепродуктов, сыров и белого вина. Люба попросила Тимофеевича присоединиться к ним, и все сыпала вопросами из области растениеводства, Тимофеевич, обычно молчаливый разговорился. Игорю не слишком была интересна эта беседа, но ему нравились теплые эмоциональные волны, исходящие от жены, он грелся в них, обнимая ее, и потягивая белое вино из хрустального бокала.

Потом была баня, дровяная, жарко натопленная Тимофеевичем. Веники, пар, Любины крики от опрокинутой из бочки ледяной воды, чай с травами в предбаннике.

И после, уже оставшись вдвоем, они, обнявшись, смотрели из бассейна с теплой водой в ночное небо с россыпью звезд и огромной оранжевого цвета луной.

— Я летаю, я в раю, — томно говорила Люба, прижимаясь к нему, глядя на полную луну.

— Спой мне что-нибудь, как тогда, на Сейшелах, — попросил он ее.

— *Ночь по улицам пошла, легкой поступью цариц,*

Слов и чисел простота у небесного моста раскидала перья птиц

Запела Люба. Игорь так же устремил взгляд на желтый лунный диск.

— Неожиданный выбор песни, — он тихо рассмеялся в темноте, когда она умолкла, — но мне понравилось. И знаешь что? Почему бы тебе не продолжить занятия вокалом? Здесь мы тебе такого педагога найдем, закачаешься. Что скажешь?

— Игорь, я как раз думала попросить тебя об этом...

— И в фитнес клуб записаться... Ты даже не представляешь себе, какие у нас тут фитнес-клубы. Целые дворцы.

— О, да! — воскликнула Люба.

— И писать нужно... Ты же великолепно пишешь. Не забросила?

— Ну, так, слегонца, — уклончиво ответила Люба.

На самом деле после замужества Люба не написала ни строчки.

— Нужно возобновить... Вот видишь, сколько интересных занятий мы тебе нашли. Ты у меня будешь самой счастливой женщиной, я тебе обещаю это.

— Можно начинать прямо сейчас делать меня счастливой женщиной, — ворковала она, целуя его.

— Да... ты права, — он тихо рассмеялся ей в губы, — Пойдем в дом.

И накинув на себя уютные махровые халаты, взявшись за руки, они направились к дому.

Глава 5

В такие моменты ему нравится смотреть на ее лицо. Тонко-фарфоровая кожа, прикрытые глаза, расслабленные в томной улыбке блаженства губы. Он провел большим пальцем по мягким, податливым губам. Она жадно обхватила ими палец и стала сосать. Истомой потянуло внизу живота, словно ее губы оказались там, в ее вагине. Он перестал двигаться, стараясь сдерживать себя на той острой, как бритва, границе боли и наслаждения, предшествующей экстазу, балансировать как канатоходец на натянутом до предела канате. Отнял у нее палец, поцеловал, проник языком в ее рот, и она, тут же начала сосать его язык, как делала это с пальцем. Он прижал, вдавил ее в кровать своим телом, опять замер. Но ей хотелось, хотелось движений. И она, плотнее обвив его бедрами, двинулась ему навстречу. Энергично и жестко. И еще. И еще...

— Подожди, — попытался он остановить

Но было поздно. Она раз за разом насаживалась на него, неистово целуя в губы, впечатывая в него свое разгоряченное, безумствующее в танце тело. Ему ничего не оставалось, как присоединиться к ней в этой дикой пляске. Он кончил в нее, и содрогнулся в конвульсиях, и ее нутро от этого взорвалось, задрожало лихорадочной дрожью. Он чувствовал эту дрожь, и после, после того, как стал уменьшаться и умягчаться внутри нее. Захотелось потрогать ее внутри, и рука его скользнула вниз. Нащупал пальцами твердый бугорок, подобно жемчужине притаившейся в створках раковины, и стал поглаживать. Она выгнулась, застонала ему в ухо. Он гладил, разминал, наслаждаясь ее стонами. Теперь, когда собственные возбуждение и страсть не мешали ему, он чувствовал особое удовольствие — удовольствие своей власти над ней. Он совсем немного проникал в нее, и вновь поглаживал бугорок, размазывая по нему ее соки смешанные с его спермой. При каждом таком проникновении, она выгибалась и слегка напирала на его пальцы, желая более глубокого и энергичного действия, но он делал вид, что не чувствует ее желаний, не понимает ее. И продолжал распалать медленными и плавными поглаживаниями

— Игорь... Не мучай меня, — взмолилась она

Он так любил слушать ее. Ее голос. Он вначале влюбился в ее голос, потому уже в нее. И ему нравилось слушать ее в постели, ему особенно нравилось слушать ее в постели.

Он продолжил свою пытку.

— Пожалуйста...

— Что? — выдохнул он, поцеловав ее.

— Пожалуйста...

— Пожалуйста что? Я не понимаю...

Его пальцы в очередной раз слегка проникли в нее и нежно погладили изнутри

— Трахни пальцами

И она, сама подалась навстречу ласкающим пальцам, он, впившись в нее губами, резко и жестко проникал в нее, горячую, мокрую, чувствуя, как она уплотняется вокруг его пальцев, еще и еще, и ее разливающиеся по телу пульсации, как круги от взорвавшейся бомбы. Она закричала в экстазе, заметалась по подушке головой, затем стала всхлипывать как будто одновременно плача и смеясь.

Он почувствовал, как нарастает его возбуждение, как он заряжается точно батарейка от ее экстаза. Вошел в нее, двигаясь энергично, чтобы усилиться, укрепиться в ней. Теперь ему не нужно было сдерживать себя. Он еще почувствовал затихающие где-то внутри нее пульсации, еще насладился, как мягко, непроизвольно, неуправляемо обхватывала и расслабляла она свои внутренние объятия. Она двинулась ему навстречу, приспособившись под его ритм. И так они полетели, сливаясь телами, и он почувствовал еще дважды, как она пульсирует, а на третий раз присоединился сам...

— Вы сегодня ненасытны, госпожа Лагутина, — поглаживая ее по каштановым волосам, произнес он.

— А вы превзошли самого себя, господин Лагутин — отозвалась она, чуть потершись о его грудь головой, — Игорь, я боюсь, — добавила вдруг, приподняв растрепанную голову.

— Чего? — удивленно спросил он, коснувшись ее подбородка и заглянув в глаза.

— Что со временем... Со временем ты не будешь меня хотеть так сильно как сейчас... А я... Я наоборот... Я чувствую, что раз за разом..., — Люба вновь уткнулась Игорю в грудь, словно ища в нем защиты.

— Нужно жить в моменте. Сейчас тебе хорошо? — обнял теснее

— Спрашиваешь..., — выдохнула Люба

— Ну, вот и наслаждайся моментом. Да и тебе..., — Игорь на миг задумался, — Тебе не о чем переживать. Потому что... Самый большой кайф в жизни я испытываю, когда ты кончаешь. И чем ты больше этого мне даешь, тем больше кайфа... Это я не сразу понял. Вначале просто хотел тебя. Безумно хотел. И ненавидел за твои «нет». Ты представить себе не можешь, какой это был для меня ад. Почему, почему ты так долго отказывала мне? Разве ты не хотела?

— Скорее боялась тебя, чем хотела, — ответила Люба, — я и сейчас боюсь твоей страсти. Боюсь и восхищаюсь ею одновременно.

— Больше никогда... никогда, я не хочу слышать это «нет», — Игорь, продолжил, заводясь, словно Люба начала с ним спорить, — никаких нет... Месячные, голова болит, нет настроения, я не хочу это слышать... Ты теперь моя жена и ты мне должна. Хочешь, или не хочешь... Должна...

— Мне нравится быть тебе должной, — заметила она ему, улыбаясь.

Он ловко перевел стрелки с себя на нее. Скорее всего, не осознанно, не специально. Он бизнесмен, и он к этому привык, делает это на автопилоте. Но Любе не захотелось дальше развивать тему их будущих отношений. В самом деле, она согласилась с тем, что жить нужно в моменте, а этот момент был поистине чудесным, приятным и не предвещающим никаких опасностей.

Глава 6

Лента городских новостей пестрила, Глеб, как обычно, быстро просматривал за утренней чашкой кофе, пытаясь вычленив взглядом интересное. Особо интересного не обнаружил, и уже было приготовился закрыть ленту, как задержался на последнем сообщении. «Вчера в Москве-реке обнаружен труп девушки приблизительно двадцати лет. Ведется следствие»

Взглянул на фото.

Словно ударило током. Забилося сердце, галстук, удавкой затянулся на шее, он ослабил и вдохнул полной грудью. Потянулся за телефоном, набрал номер.

Да — это была она. Вернее то, что от нее осталось. Обезображенное от длительного нахождения в воде тело, опухшее, набрякшее, страшное тело. Глаза открытые, мутные и словно удивленные...

Он опознал ее. Оказалось, что он так мало знал о ней. Только имя, фамилию, и то, что она рассказывала о себе, все больше о своем детстве, мрачном и страшном. Он не знал, откуда она родом, где живет, и совсем не интересовался ею после их расставания. Не звонит ему, значит, прислушалась к нему, и уехала к себе домой, так он решил тогда. Только вот деньги. От Марьянова пришли деньги, которые когда-то Глеб отдавал ему, долг Эли. Это было неделю назад. И труп провёл в воде неделю, так сказал следователь. И еще синяки на шее, их невозможно было не заметить, и даже Глеб, находясь в подавленном состоянии, увидел.

В голове начала складываться страшная картинка.

И ранним московским утром в его кабинете появился мужчина с кошачьими повадками. Глеб назначил ему встречу за час до рабочей планерки.

На выходе мужчина столкнулся с входящим Игорем, вежливо поздоровался, и поспешно покинул здание под его удивленный взгляд.

На вопрос Игоря, что делал в офисе детектив, Глеб уклончиво ответил «по моему личному делу», более Игорь ничего не стал спрашивать, поскольку не имел привычки совать нос в личные дела своих друзей.

Спустя пару недель после появления в офисе детектива, Глеб сам поведал ему свое личное дело. И начал издали.

— Игорь, я считаю, что нужно купить «Сити идей», раздробить ее на части и продать...

— Подожди, ты же сам буквально месяц назад утверждал, что этого не надо делать. Что мы ввяжемся в ненужную войну с Марьяновым...

— Это было месяц назад. Я изучил более внимательно их финансовый отчет, навел справки... И решил, что был тогда не прав...

— Глеб, я тебя десяток лет знаю, — Игорь вглядывался в лицо Глеба, — Ты хочешь пустить по миру Марьянова?

— Да..., — глухо ответил Глеб, — Я этого хочу. Пустить его по миру.

— Чем он тебе насолил?

— Игорь, я просил тебя когда-нибудь о чем-то? — ответил вопросом на вопрос Глеб.

— Нет, — ответил Игорь.

— А сегодня прошу. Сделай это для меня.

— Глеб, что случилось?

— Эля... Он убил ее. Я в этом уверен. Я был на опознании в морге. И видел собственными глазами синяки на горле от чьих-то пальцев. Отпечатков, конечно, нет, вода все смыла. Но синяки есть. Она не сама ушла из жизни, ей помогли это сделать. В день ее смерти Марьянов вернул мне деньги. Элин долг, который я ему возместил. Значит, она сама с ним расплатилась. Своей жизнью.

— Глеб, это все лишь твои предположения... Наверняка заведено уголовное дело.

— Уже закрыто.

— И что? Есть доказательства вины Марьянова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.